

ТРИ ПРОЕКТА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
БЕЛАРУСИ НАЧАЛА XX в.: И. КИРЕЕВСКИЙ,
В. САМОЙЛО, А. ЦВИКЕВИЧ

Философско-историческая проблематика – одно из важнейших направлений в развитии как белорусской, так и русской философских традиций. Важность анализа этой проблематики И. В. Киреевский определил следующим образом: «Наша философия должна развиваться из нашей жизни, создаться из текущих вопросов, из господствующих интересов нашего народного и частного быта»¹.

В то же время, белорусская философско-историческая мысль отличается от русской философской традиции хотя бы потому, что актуальной для белорусских мыслителей XIX – начала XX столетий была проблема национального самоопределения на фоне российской и польской ассимиляции. Так, в разработанной в начале XX в. В. Ластовским концепции утверждается, что этническое сообщество, проживающее на территории современной ему Беларуси, происходит от обитавшего на этих землях в I тыс. н.э. племени кривичей, и поэтому нужно вернуть исторические наименования: белорусы – кривичи, Беларусь – Кривия: «Мы, хочучы быць самаістым славянскім народам, выносім з гісторыі нашай і нашага народу на сьвет прастарае племянное і нацыянальнае сваё найменьне – Крывічы»². Однако белорусской культурной традиции удалось избежать опасности уклона в цивилизационный изоляционизм, защищая право белорусов на национальную самобытность и собственную уникальную историю.

Вопрос о национальном самоопределении Беларуси – государственно-политическом, хозяйственно-экономическом, религиозно-культурном – наиболее остро вставал в переломные периоды существования государства в составе других государств и союзов. Такими периодами были объединение Великого Княжества Литовского и Королевства Польского в федеративное государство – Речь Посполитую в 1569 году, распад этого государства, начало разделов Польши и вхождение Беларуси в состав Российской империи, крушение этой империи в начале XX века.

¹ Киреевский И.В. Обзорение русской словесности 1829 года // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 68.

² Ластовскі В. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Выданне факсімільнага тыпу. Мінск: Навука і тэхніка, 1990. С. 10.

Обратим внимание на взгляды трех белорусских мыслителей первой половины XX века, в творчестве которых проблемам выбора белорусским народом стратегии развития, выявления затрудняющих его национальное самоопределение причин и экспликации ценностных приоритетов было уделено специальное внимание.

Одним из наиболее ярких представителей белорусской философии истории стал И. Абдиралович-Канчевский (1896–1923), философско-исторические взгляды которого изложены в эссе «Извечный путь. Опыт белорусского мировоззрения», которое отличается оригинальностью философско-культурологического анализа, драматизмом, образностью стиля повествования и глубоко личностным отношением к предмету рассмотрения – исторической судьбе белорусского народа. Работа И. Абдираловича-Канчевского тематически близка концепциям культурно-исторических типов Н. Данилевского, К. Леонтьева, морфологии культуры О. Шпенглера, историософии Н. Бердяева, но прежде всего характеризуется сильными экзистенциалистскими мотивами.

Согласно концепции И. Канчевского, Беларусь на протяжении всей своей истории, начиная с X века – времени крещения, была ареной борьбы двух направлений европейской культуры – западного и восточного, причем разделившая их граница проходит через Беларусь, Украину и простирается в Балканских краях. В результате этой перманентной борьбы возникло и оформилось специфически белорусское национальное мировоззрение, суть которого в том, что «колебание между Востоком и Западом и искренняя неприязнь к тому и к другому являются основной чертой истории белорусского народа»¹.

Истоки подобной мировоззренческой амбивалентности автор усматривает в древности, когда западные славяне после христианизации берут латинский образец хозяйственно-экономического и духовного развития Византийско-Римской империи, а восточные – византийский. При этом И. Канчевский артикулирует тот факт, что как западные, так и восточные славяне принимают культуру с ее формальной стороны. Любопытно, что на это обстоятельство обращает внимание также Н. С. Лесков, один из персонажей которого говорит: «...во Христа-то мы крестимся, да во Христа не облакаемся»². И белорусы, приняв христианство, не забыли о своих старых убеждениях, но долгие века белорусы стояли на перепутье: один

¹ *Абдзіраловіч І.* Адвечным шляхам (Дасьледзіны беларускага сьветагляду). Мінск: Навука і тэхніка, 1993. С. 8–9.

² *Лесков Н.С.* На краю света // *Лесков Н.С.* Собр. соч. в 6 т. Т. 3. М.: Правда, 1973. С. 217.

путь был на Запад, второй – на Восток. «Так наши тропинки, начинаясь вместе, расходились в разные, противоположные стороны»¹, и хотя с течением времени различие между этими двумя культурными типами уменьшилось, но все же продолжает оставаться ощутимым.

Автор останавливается на социально-психологических особенностях человека православного Востока и человека католического Запада, стремясь дать им объективную и панорамную архетипическую характеристику. Он отмечает привлекательные для белорусов качества человека Востока – простоту, открытость, доброту, соответствие внешности внутренней сущности, и человека Запада – трезвость мышления, способность к компромиссам, терпимость к чужому мнению. «Словом, – продолжает мыслитель, – нам нравились искренность и определенность Востока, а с другой стороны – большая объективность и более человеческое самочувствие Запада. Жизнь требовала синтеза, гармонии обоих направлений, что... как увидим, оказалось невозможным»². И мыслитель раскрывает причину, почему в итоге белорусский народ не делает окончательного выбора между европейскими культурами Запада и Востока: это сопроваждающее всю его историю «насилие над нашими душами», которое осуществлялось в разных формах: «Восток сразу захватывает много, Запад – по своей деликатности – меньше... Зато Запад – великий человек на малые дела, и его способности сильно отдаются на белорусской шее»³.

В таком историческом наследии – «буферном» положении Беларуси и ее колебании между двумя социально-культурными центрами – коренится «великая трагедия народного духа», которому отказывают в праве на самобытность, не понимая, что «вместе с белорускостью мы теряем и лучшую часть человечности»⁴. Не соглашаясь со сложившимся мнением о неспособности белорусов выразить свой культурный идеал, поскольку они остаются в ситуации социокультурного выбора между мессианскими культурами Востока и Запада, Канчевский говорит о необходимости внутреннего культурно-исторического самоопределения и создания собственных национальных форм культурной жизни.

Сознавая сложность этого процесса духовного возрождения, Канчевский предостерегает от возможности появления собственного, белорусского мессианизма, чтобы «найденные формы новой бе-

¹ *Абдзіраловіч І.* Адвечным шляхам (Дасьледзіны беларускага сьветагляду). С. 12.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же.

лорусской жизни не стали для нас самих великой тюрьмой и издевательством»¹. В этом плане, по его мнению, наибольшую опасность представляет характерная и для Востока, и для Запада застывшая «форма жизни» – уклад, нормативная модель социального и духовного бытия, сложившаяся в результате человеческой деятельности. Первооснова ее силы, с одной стороны, – в привязанности человека к плодам своего творения, в желании им вечного существования и, с другой, в «корысти», то есть выгоды ретрансляции формы для поддержания стабильности социально-политического и исторического уклада жизни общества.

Белорусский мыслитель артикулирует факт приобретения формой тем большей нормативности, чем слабее развита духовность народа, хотя признает принципиальную необходимость формы, так как в ней заключена сущность материальной жизни общества. Вместе с тем, он настаивает на том, что следует искать формы, приспособленные к изменчивости жизни, эластичные, текучие. Истинная основа жизни, по его убеждению, – это свободное творчество, пример которому можно найти в искусстве, которое «не имеет своего канона, не имеет утвержденных путей, образцов»². И. Канчевский дифференцирует понятия субъекта индивидуальной (человек) и социально-исторической (народ, нация) деятельности. Если отдельный человек может найти личное спасение в художественном творчестве, то в общественной жизни массы всегда идут к социальному творчеству только через политический переворот и революцию. Как полагает философ, это не лучший путь для народа, но единственно возможный в условиях, когда народ лишен свободы, творчества и возможности развивать национальную культуру.

Вместе с тем, и это особенно важно, И. Канчевский подчеркивает, что творчество масс основано на творчестве единиц и революция без индивидуального творчества – лишь великая беспросветная смута, живой иллюстрацией чего может служить Россия начала XX века. Гарантировать возможность общественного творчества можно только в случае отсутствия чужого принуждения, для чего, соответственно, необходима политическая независимость. В качестве оптимального варианта человеческого общежития и условия для возможности реального творчества он рассматривает кооперацию – «единственное общественное явление, которое без принуждения объединяет своих членов и не декларирует принуждения для других». В кооперации ему импонирует отсутствие застывшей формы – «готовых рецептов улучшения жизни». Лозунг кооперации – «Тво-

¹ Там же. С. 17.

² Там же. С. 27.

ри. Создавая – разрушаем»¹. Тем самым И. Канчевский постулирует свободное творчество человека как единственный идеал для всего будущего общества. Но это достижимо только в условиях независимости Беларуси.

Вторая яркая фигура в это знаковое для белорусской социально-философской мысли время – Владимир Самойло (1878–1941), для которого осмысление проблемы цивилизационного выбора народа тоже было приоритетным, хотя перспективные ценностные ориентации он усматривал в ином. Не приняв советскую власть, он уехал в 1918 г. в находившийся под властью поляков Вильно. Критикуя политику полонизации белорусского населения, он отмечал, что проводимая правительством Пилсудского политика воплощает в себе как достоинства, так и недостатки амбивалентного «польского мира» (зачастую необоснованный оптимизм, самомнение, при этом развитая культура и система госуправления). Однако, подчеркивает В. Самойло, этот аппарат «удивительно неудачно, просто фатально и самоубийственно пользуется этими своими преимуществами, приходит к обратным результатам. Недостаток, мягко говоря, морально-государственного “самоограничения” и здесь мстит за себя, как и во всяком ином случае»².

Не видя перспектив общественного развития ни на пути советизации Беларуси, ни на пути ее полонизации, В. Самойло связывает их с национальным возрождением, а именно с духовным возрождением народа, предполагающим активное обращение к христианским ценностям. Причем актуализация христианских ценностей в жизни белорусов, по его мысли, должна вызвать у них прилив «божественной энергии». Поэтому, «чтобы стать действительно “живым христианином”, человек должен сам, своим существом рано или поздно пережить какой-то необычный миг, как будто некий взрыв от огня, поднесенного к самой душе, к той взрывной смеси, что сохраняется в ней, пережить настоящую духовную революцию»³.

Революция эта призвана способствовать духовно-нравственному преобразению белорусского народа, особая роль в котором, как считает В. Самойло, должна принадлежать двум объективным феноменам, имманентно свойственным белорусам. Во-первых, «национальной поэзии», пробуждающей душевные силы народа. Интерпретируя это положение, можно сказать, что выбор ее в качестве одного из определяющих факторов обусловлен тем обстоятель-

¹ Там же. С. 41.

² Сулима (Самойло В.). «Сим победиши!..»: Очерк критического оптимизма // Неман. 1992. № 1. С. 169.

³ Там же. С. 159.

ством, что национальная поэзия выполняет, как минимум, две важные функции: креативную, созидательную – побуждающую человека к духовному творчеству, и социально-коммуникативную, «открывающую» мир белорусам и белорусов миру. Во-вторых, на духовно-нравственное преображение белорусского народа оказывает заметное влияние выработка у критического самосознания, которое философ понимает как самоуважение, причем это качество характерно не только для представителей творческой интеллигенции, которые учат «своими речами и писаниями», но и для тех, кто учит народ «своим жизненным примером» (В. Самойло имеет здесь в виду противостояние виленских белорусов политике колонизации).

Третий, не менее яркий мыслитель этого времени, короткий жизненный путь которого связан как с научно-теоретической, так и с политико-практической деятельностью – Александр Цвикевич (1888–1937). Его перу принадлежат две работы: «Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики», одним из создателей и видных деятелей которой он был, и «Западно-русизм», которая в большей мере имеет концептуальный характер, хотя в ней тоже присутствует политико-практическая подоплека. В частности, будучи приверженцем независимости Беларуси, А. Цвикевич выступает как оппонент и «кривичской» концепции В. Ластовского, абсолютизирующей национальную самобытность белорусского народа, и концепции «западно-русизма», которая, напротив, нивелирует эту самобытность. Он поясняет свою позицию следующим образом: «Под “западно-русизмом” мы понимаем то течение в истории общественной мысли Беларуси, которое считало, что Беларусь не является страной с особой национальной культурой и не имеет для этого никакого права на самостоятельное культурное и политическое развитие, но что она является культурно и государственно частью России и должна быть рассмотрена как один из ее составных элементов. Представители этого течения стремились довести, что Беларусь, как “Западная Россия”, нераздельно связана с целым – “единой великой Россией” и что белорусы, как одно из славянских племен, органично входят в состав “единого русского народа”»¹.

Отмечая предпосылки становления этого идейного течения в окружении Екатерины II, Александра I, А. Цвикевич относит его оформление к эпохе Николая I, а именно к инициации его генерал-губернатором «Северо-Западного края» Н. Муравьевым. Прослеживая эволюцию идей этого течения от взглядов М. Кояловича до позиции «последнего эпигона» – «Союза Белорусской Демократии»,

¹ Цвiкeвiч А. Западнo-русизм: Нарысы з гiсторыi грамадзкай мыслi на Беларусi ў XIX i пачатку XX в. 2-е изд. Мiнск: Навука i тэхнiка, 1993. С. 7.

возникшего в период революции 1917 года, автор подводит читателя к выводу, что сущность его не изменилась. Об этом, по мысли А. Цвикевича, свидетельствует тот факт, что руководители этой организации, утверждая, что белорусский язык – не более чем диалект русского языка, потребовали, чтобы преподавание в учебных заведениях Беларуси осуществлялось исключительно на общегосударственном русском языке¹. Иными словами, «западно-русизм», как идейное течение, пренебрегал национально-культурной самобытностью и игнорировал суверенность белорусского народа.

В этой связи, по мысли А. Цвикевича, перед Беларусью встала дилемма социально-политической ориентации: либо путь самостоятельного развития на принципах демократической республики, либо развитие в рамках возникшего Советского Союза как его составной части. Возглавляя несколько лет правительство БНР в эмиграции, А. Цвикевич пришел к выводу о несостоятельности первого пути и возвратился в Минск, где стал последовательным сторонником идеи о том, что возрождению Беларуси как нации соответствует путь социалистических преобразований, в котором часть суверенитета республики переносится на весь Союз, но, в свою очередь, Беларусь наделяется частью союзного суверенитета.

Мы обратили внимание на три проекта цивилизационного развития Беларуси, возникшие в первую четверть XX века. Ни один из этих проектов не был воплощен на практике. Тем не менее, философское осмысление исторической судьбы белорусского народа деятелями белорусской культуры имело широкий резонанс в современном им обществе и оказалось востребованным в современной независимой Беларуси.

¹ Там же. С. 332.